

СТИЛЬ ВАЛЬСРОДЕ

Заметки из зоопарка, в который хочется возвращаться много-много раз

(Продолжение.)

Начало в «НВ» за 5 апреля.

Может возникнуть вопрос: что делают с населением огромных вольеров, когда приходит холода и парк закрывается на зиму, неужели до упаду гоняют ибисов, чибисов и иже с ними сачками и сетями? Да нет, всё проще: птицы приучены кормиться в зимнем помещении, примыкающем к вольеру, и в нужный день их закрывают в нем во время обеда.

Между прочим, кормушки для обитателей иных вольеров и загонов, куда посторонний не входит, также расположены вне людского поля зрения. Пришло, скажем, журавлю время подкрепиться — он ушел за куст и там трапезничает. Птице спокойнее (дело-то интимное), да и взгляд посетителя не оскорбляет чужеродные для природной среды предметы. Кажется, как просто и разумно, но ведь до этого надо сначала додуматься. И как тут не вспомнить разнокалиберные миски и аршинными буквами написанные тазики посреди птичьих вольеров в наших зоопарках. Да ладно миски, еще и ведра оцинкованные стоят, и шланги тянутся, демонстрируя полное наглывательство к людям, положившим полновесную кровную денежку в кассы этих самых зоопарков, чтобы посмотреть на зверей и птиц в возможно более естественной для них обстановке...

ВХОД (Eingang) в парк и **выход (Ausgang)** из него отдельные, хотя друг от друга отделены только условной полоской кустарника. Удивительно, но на выходе не торчит некто с красной повязкой на левой руке, бдитительно хмурящий брови на потенциальных «зайцев». Пользуясь этим, я на протяжении трехдневного пребывания в Вальсроде постоянно совершал *айнганг* через *аусганг*, что, вообще-то, не очень прилично. Как гостя меня и так бы даром пустили, но жалко было времени на объяснения. Зато немцы — дисциплинированные ребята: хоть бы один попробовал в левую арку свернуть, все только направо, строго в кассу.

Но уж больно много было их, немцев-то. В смысле, посетителей. Ох, много! Будто и не немцы они вовсе, а советские граждане, на демонстрацию 1 Мая собравшиеся или в мавзолей во времена оны, или за водкой при перестройке. Старички и старушки, инвалиды и умственно отсталые в колясках, колясочные же дети и подростки, и граждане средних лет — плечом к плечу, кого только нет... Лишь дети младшего школьного возраста совершенно не интересуются птицами, и потому их, как собак в клетку, сдают на детскую площадку — большой городок приключений, коим они с удовольствием предаются, от души желая, чтоб родители подольше их не забирали.

Река из людей течет в одном направлении. Что естественно: парка не знает никто, все уткнулись в схемы в своих гайдах (и я не стал исключением в первый день) и движутся строго по маршруту. А если отклониться, то или в тупик упруешься, или стрелка с надписью «*Rundgang*» вернет тебя на место. При этом и убеленные бабули, и солидные дяди педантично тормозят возле каждого вольера и (почти все при помощи указательного пальца) отыскивают, сверяясь с этикетками, каждую птицу. И ведь с места не сдвинутся, пока последнюю не разглядят.

— *Мама, was ist das (Мама, кто это)?!* — орет недомерок лет трех.

— *Das ist Roter Sichler (Это алый ибис),* — отвечает мамаша.

— *Und was ist das (А это кто)?*

— *Das ist Rosaloffler (Это розовая колпица),* — мамаша терпелива как скала.

Но в парке восемь сотен видов пернатых. К концу *рундганга* даже человек, многие годы занимающийся птицами, мо-

В погожий день посетители движутся по аллеям фогельпарка Вальсроде чуть ли не «первомайской» колонной.

жет почувствовать себя одуревшим от ряби в глазах и каши в голове. Хорошо в этом смысле немцам. Они в Германии живут. Куда им торопиться? Сядут на скамеечку и по полчаса за пеликанами наблюдают, как те перья чистят. Сегодня чего-то не увидели, ошалев от пестроты, так через месяц или год приедут и впечатлений доберут. Но мне-то сюда не скоро удастся вдругорядь попасть, я это четко осознавал. И потому ходил и смотрел как заведенный.

Вообще же, больше дурел не от обилия птиц, а от толпы. По иным аллеям просто колонны шагали, заполняя дорожку от края до края и основательно портя впечатление заезжего русского птицелюба от первой встречи с орнитологической Меккой. Хотя, на самом-то деле, для частного заведения это замечательно. Тем более что четыре месяца в году (с 1 ноября по 28 февраля) парк Вальсроде для посетителей закрыт и летом вынужден наверстывать упущенное.

В 1994 году, например, здесь побывало почти 900 тысяч человек, а в начале 90-х «зашкаливало» за миллион. Но самая высокая посещаемость пришлась на конец 70-х: 1,5 миллиона человек за год! Подобные цифры нормальны для зоопарков Москвы или Парижа, но трудно увязываются в сознании с зоопарком в городке, не на всякую карту нанесенном.

БЕЗУСЛОВНО, решающим фактором для такой популярности служит уникальность фогельпарка. Задумав зоопарк из одних птиц, проницательный Фриц Гешке нарвался на золотую жилу, возможно, и сам о том не подозревая. С тех пор птичьи парки, как грибы после дождя, расплодилось по всему миру, за исключением пока стран бывшего соцлагеря. Но все равно Вальсроде сохраняет за собой титул самого большого парка в своей категории — и по площади, и по коллекции.

Любителю птиц здесь найдется повод восклицать, и не один, а сколько угодно. Ни единый газетный очерк не может вместить даже упоминания о птицах, которых действительно стоило бы упомянуть. Ее объем позволит лишь бегло перечислить основные жемчужины фогельпарка, главная из которых — коллекция попугаев. Здесь содержат более 200 видов этих пестрых и крикливых обитателей тропиков, что составляет две трети их мирового разнообразия. Разместилась сокровищница в павильонах «Дом попугаев» и «Лори-атриум», а также в протянувшихся между ними вольерном ряду. Я было взялся считать по группам, да сбился: 24 вида амазонов, 13 видов ар, 14 — какаду, больше 30 — лори...

А среди редкостей, при взгляде на которые невольно расширяются глаза, — новогвинейский орлиный попугай и сент-винсентский амазон с одноименного острова в Карибском море.

Другое направление специализации парка, если только в таком собрании позволительно говорить о специализации, — журавли. В Вальсроде вы увидите 13 из 14 ныне существующих видов. Нет только американского белого журавля. За исключением киви, наличествуют все бегающие птицы (в том числе три вида казуаров — шлемоносный, мурук, оранжевошейный), и все выводят потомство.

В этом месте позволю себе набрать воздуха перед дальнейшим перечислением и присовокупить к слову о птицах-бегунах пару слов о технике безопасности. Какая, вроде бы, опасность может поджидать при работе с птицами? Если только клюнут... Но клюнуть можно в палец, а можно в глаз, разницу почувствуешь мгновенно. Да и пальца жалко, если клюв большого попугая с ним поработает. Слово «какаду» неспроста происходит от слова, обозначающего кусачки. А страусу и его родичам и клеваться не надо, хватит ногой махнуть. В принципе, пинок большинства из них положит на землю среднегабаритного взрослого мужчину. Страус-африканец лягается не хуже лошади. Бывали и смертельные случаи: когти казуара — как кинжалы, при ударе во врага эффект не хуже. Поэтому меня всегда удивляла беспечность (или бравада?), с которой сотрудницы Московского зоопарка посещали казуарий вольер в присутствии его хозяев. Сколь ручная казалась бы птица, ее вооружение не тупеет, реакция не замедляется, и поручиться в том, что будет у нее на уме через секунду, не может никто. Береженого Бог бережет — в Вальсроде рассуждают именно так. Мне показали служебное помещение в домике страусов. Ни один самый верткий зритель не войдет в стойло или внешний выгул при гигантах-африканцах. Любая дверь открывается нажатием кнопки. Открыл-закрыл — загляни в специальное окошечко: все ли вышли вон, только потом заходи и наводи чистоту. Контакт с опасной птицей без экстренной необходимости — лечение, вывоз за пределы парка — исключен полностью.

К числу опасных относят крючконозых и когтистых дневных пернатых хищников. Таких, кстати, в фогельпарке сравнительно немного,

но виды подобраны интересные, судите по названиям: гарпия, нарядный орел, орел-скоморох, белоглечий, белобрюхий и крикливый орланы... В окружении вольеров с большой — да с половиной десятка видов — коллекцией европейских и экзотических сов разместились пруды с нечасто встречающимися в неволе морскими утками — гагами, турпанами, крохальками. Мирных европейских птиц вместил огромный вольер, где над ручьем устроен искусственный обрыв для размножающейся колонии золотистых щурок, или пчелоедов, в естественных условиях наводящих ужас на владения южнорусских и украинских пасечников.

Именно возле этого вольера застопорилась наша «первомайская» колонна: группа упрямых старичков не хотела продолжать путь, не найдя в древесно-кустарниковом хитросплетении обыкновенную кукушку. А поди ее отыщи, если птица она скучная, по земле особо не скачет, летать не любит — усядется на суку и знай по сторонам смотрит. Разве что ждать, когда закукует...

Из шести видов фламинго на прудах парка встречаются представители пяти, причем все живут колониями. На соседних с ними прудах — колонии шести видов пеликанов. Если вести речь о птицах болотных, то в загонях и больших вольерах, не считая *фрайфлюга*, найдем десяток видов цапель и дюжину видов аистов и ибисов, в том числе единственную процветающую за пределами Южной Африки колонию очень эффектных лысых ибисов. Их ближайшие родственники красноежкие ибисы, или вальдраппы, почти исчезли в природе, сохранившиеся лишь в двух точках двух стран —

Марокко и Сирии. А в средние века гнездились даже в Альпах, только на них там усердно охотились и в итоге всех съели. Хорошо хоть в неволе краснощекий ибис чувствует себя спокойно, как лошадь Пржевальского. Недалеко от вольера с белой вороной в Вальсроде вздвигнут примерно 500-кубометровый вольер для двух десятков вальдраппов, которые прекрасно в нем размножаются.

В завершение осмотра посетители идут вдоль длинного ряда вольеров фазанария, населенного не только нарядными кузенами Курочки Рябы, но и сонмом более мелких тропических пернатых — кукушек, тимелий, зимородков, сизоворонок, голубей и так далее. Но один из обитателей фазанария запомнился лично мне, поскольку давно хотелось его увидеть и услышать. Наука именует эту близкую кукушке птицу белобрюхим бананоедом, однако у нее есть еще одно имя, более грозное и явно вышедшее из народа, — *go-away-bird, птица-иди-прочь*. Поскольку имя английское, можно перевести его и более вольно: *птица-валу-отсюда*, например, или *птица-уноси-ноги*. Говорят, происхождение названия — звукоподражательное назойливому крику бананоеда, который, дескать, отшивает всех, кого ни встретит. При встрече со мной бананоед оказался светлой суетливой птицей помельче вороны, покрупнее сороки и на самом деле страшно разговорчивым. Уцепившись за сетку вольера, он без устали отрывисто выжал на всякого проходящего мимо. В самом прямом смысле: «Вя! Вя! Вя!». Сколько ни силился, так и не смог я различить в этом звуке «*Go away!*», но англичанам, наверно, виднее...

Алексей НЕВОЛИН.

Фото автора.

(Окончание следует).

Казуар Беннетта, или мурук, редок в коллекциях зоопарков.